

Николай Кононов: «Всегда ставить ценности во главу угла» | Nikolai Kononov : « Mettre les valeurs en premier »

Author: Надежда Сикорская, [Лозанна](#) , 01.03.2023.

Писатель Николай Кононов © Alexandra Neumann

Завтра в книжные магазины Швейцарии и Франции поступит документальный роман «[Восстание](#)» российского писателя, живущего сейчас в Берлине. Момент его выпуска на французском языке лозаннским издательством Éditions Noir sur Blanc символичен.

|

Demain les libraires en Suisse et en France recevront le roman documentaire "[La Révolte](#)" écrit par un auteur russe domicilié actuellement à Berlin. La date de sa parution aux Éditions Noir sur Blanc, Lausanne est plus que symbolique.

Nikolaï Kononov : « Mettre les valeurs en premier »

Эта книга производит смешанное убивающе-вдохновляющее, а в целом ошеломляющее впечатление. Ее хочется переписать от руки, снабдив жирными подчеркиваниями, как когда-то конспекты лекций любимых педагогов. Убивает детальное, яркое, очень визуальное описание невыразимых ужасов. Вдохновляет доказательство того, что отдельные личности способны не только эти ужасы преодолеть, но и остаться Людьми. Роман Николая Кононова, вышедший в переводе Мод Мобийар, – это гимн свободе в не знавшей свободы стране.

Если в самом-самом кратком виде, то роман рассказывает о реально существовавшем человеке, скромном топографе Сергее Соловьеве (1916-2009), ставшем одним из идеологов подпольной Демократической партии России и одним из предводителей восстания заключенных в Норильском лагере летом 1953 года, самого продолжительного и массового выступления заключенных в истории ГУЛага. Произошло оно вскоре после смерти Сталина, и объединенность в Истории двух этих событий, 70-я годовщина которых отмечается в этом году, заставляет усомниться в существовании «простых совпадений». Путь, пройденный героем – через арест отца, Вторую мировую войну, армию Власова, нацистский лагерь, побег, возвращение в СССР и лагерь теперь уже советский – кажется невероятным, но он – был, со всеми вопросами, на которые должен был отвечать самому себе Сергей Соловьев на каждом его этапе.

Не будем пересказывать содержание романа, который искренне советуем прочитать, а лучше предоставим слово автору, родившемуся в 1980 году в Москве, в 2002 году окончившему кафедру литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ, работавшему главным редактором издания «Секрет фирмы» и обозревателем в российском Forbes и написавшему уже несколько романов.

Николай, «документальный роман», то есть художественное произведение, основанное на личных и официальных документах и свидетельствах, становится все более популярным жанром. Чем Вы это объясняете?

Я бы не сказал, что романы, основанные на документальных источниках, как-то особенно популярны. На разных языках в разных странах их читают с разной охотой. Но я бы отметил вот что: из всей нежанровой, экспериментальной литературы находит читателя та, которая действительно твёрдо стоит ногами на земле. Или хотя бы одной ногой — как это сейчас происходит на очередном витке магического реализма. Думаю, это связано с тем, что социальная реальность причудливее любой

выдуманной (по крайней мере, с участием homo sapiens). Другие медиумы вроде дополненной реальности, игр, киносериалов подталкивают людей к книге как к источнику глубокой интроспекции, т.е. взгляда внутрь себя и других человеческих существ, а также как к источнику необычного художественного осмысления мира, не поддающегося рассказыванию в виде картинок.

Как Вы пришли к истории Сергея Соловьёва?

Я наткнулся на историю с восстанием в норильском лагере политзаключённых, случившимся сразу после смерти Сталина. Это восстание положило начало смерти ГУЛАГа, по крайней мере формальной — а по сути-то, конечно, ГУЛАГ живёт как гоголевский мертвец в обличье Федеральной системы исполнения наказаний. Дальше я принялся читать воспоминания зачинщиков, идеологов этого восстания и нашёл единственное оставшееся интервью с Соловьёвым.

В предисловии к роману Вы пишете, что Вам «пришлось стать Соловьёвым». Как проходило это вхождение в образ, вживание в персонаж?

Как выразился кто-то из критиков, автору пришлось совершить подвиг эмпатии. Да, это было больше похоже на метемпсихоз, чем на упражнение по системе Станиславского.

Архивные документы, даже дневники (достоверность информации в которых можно ставить под вопрос) - это понятно. Но сонник... Вы верите в вещи сны?

В вещи — нет, а вообще в сны как материал — да. Раз их изучают антропологи (см. Ирина Паперно, «Сны террора»), психоаналитики и фольклористы, то почему не пуститься в художественное исследование, подумал я. Моя первая в жизни опубликованная повесть, кстати, называлась "Острова и сны"... Но при этом Сергей Соловьёв многие записи в своих тетрадях лишь замаскировал под сны — а на самом деле, это были реальные воспоминания. Соловьёв прибег к такому ходу, потому что дневники у заключённых могли отнять по причине занесения туда «экстремистских», как выразились бы сейчас, идей; сонник же — что-то маргинальное, ну мается человек ерундой...

В тексте проскальзывают французские слова - prisonnier, libido... Зачем это? Вряд ли Ваш герой успел так забыть русский.

Затем, что так поступал сам Соловьёв в своём собрании сновидений. Ему было обидно забывать выученный — пусть кое-как, наскоро — французский язык, и он вот так упражнялся. Это наверняка было подсознательным (а может, и сознательным) манифестированием его нездешней, несоветской идентичности.

Ваш роман вышел в России в 2019 году - успел проскочить. Вышел при поддержке «Книжных проектов Дмитрия Зимина», фонд которого «Династия» был объявлен иноагентом еще в 2015 году. Возмущенный Дмитрий Борисович принял решение уехать из России и распустил фонд. Вы тоже с 2019 года живете в Берлине. Чем было продиктовано Ваше решение и неизбежен ли исход из России ее лучших умов?

Полный исход невозможен — кто-нибудь да останется, как в самые глухие годы прошлого века. Я же уехал потому, что протест в России был криминализирован и отнимал много сил, в том числе интеллектуальных, когда люди в своём новом

диссидентстве вынуждены были постоянно ходить по одному и тому же кругу идей. Мы решили, что нашим детям лучше бы жить в более вдумчивом и открытом миру месте, чем Москва, — а главное, лучше, если они будут расти при наличествующих, а не сидящих в тюрьме родителях.

В тексте неоднократно присутствует слово «сероликие», которым Ваш герой определяет всех представителей власти. Меня поразило сочетание явного негатива и приземленности «серости» с возвышенным «ликом».

Прокомментируете?

Здесь речь не о представителях власти в целом, а о том, что Соловьёву большевики казались неким хтоническим или, точнее сказать, инфернальным, бесовским злом. А на православных иконах, сами помните, какого цвета лики у бесов. Так что нет, Соловьёв не был анархистом, противостоящим власти и государству как таковому — в отличие от героев моего нового романа «Ночь, когда мы исчезли»; он был в каком-то смысле просто разумным человеком в безумное время.

С точки зрения многих, Сергей Соловьёв - предатель, перешедший на сторону врага. Думаю, нашлись читатели, обвинившие Вас в апологии предательства. Что Вы им отвечаете или что бы ответили?

«Части лица этого человека двигались отдельно друг от друга, бровь и щека дергались вниз, рот прыгал, словно умирающий причитал, левый глаз выпал и покачивался на скользкой мышце, а правый уставился на меня как дуло. Он поднял уцелевшую руку и занес надо лбом, чуть выше виска, и еще раз, и еще, пока я не понял и не вытащил без раздумий наган и не приставил к его затылку. Что-то меня заставило вдруг отдернуть руку, и наган чуть не вылетел из замерзшей кисти. Мне стало до слез жаль его: а вдруг он сможет жить, пусть и одноглазый, вдруг живот зашьют, - и я не хотел быть убийцей.» Да, чего только не писали: и что я «рекламирую фашизм», и что живописую «коллорабационизм со слезой». Я обычно ничего не отвечаю, так как жизнь коротка, и хочется тратить силы на разработку и написание новых историй, а не на комментарии к комментариям. Вообще же, идея предательства мне кажется сколько-нибудь оправданной, лишь когда она касается отношений человека и человека, а не гражданина и государства. Некто был моим идейным сторонником, а потом, не объясняясь, выступил на стороне некоей вражеской по отношению ко мне силе. Ну, ещё куда ни шло... Но когда я слышу «предательство родины» — сразу понимаю, что обе эти категории, эта фигура возмущённой речи принадлежит людям, которые увязли в прошлом веке, отравленном игрой на национальных чувствах. Сергей Соловьёв жил почти сто лет и был сыном управляющего конезаводом, по образованию топографом, но даже ему, простому наблюдательному человеку стало ясно, что «предательство» — это ловушка, которую расставило государство, желающее использовать граждан и даже целые их сообщества для своих целей.

В Вашем романе прямолинейно говорится, что в каждой нации есть хорошие люди и плохие, герои и стукачи - зверства во время войны совершали многие. Не обойдены стороной и украинцы, причем именно в связи с националистическими позициями, с антисемитизмом. Если бы Вы писали роман сегодня, изменили бы что-то?

Нет, конечно, роман таков, каков он есть, да и сам материал для него нельзя изменить. Тем более, я консультировался по вопросам, связанным с украинским

национализмом, с историком Андрием Портновым.

Разумеется, Ваша книга, написанная до войны, сегодня воспринимается сквозь ее призму. В Вашем романе описана такая сцена, на фоне обсуждения заключенными устава Демократической партии. «Заспорили о том, с какими оговорками принимать украинцев, если они пожелают вступить, и других националистов. Дикарев махнул рукой: «Да что вы теряете время? Любой их хлопец вас сразу спросит: «Когда Россия станет свободной, вы отдадите всю Россию украинцам?» - и вам придется рассусоливать про Малороссию и западнцев, и этим все кончится». Как мы знаем теперь, не кончилось. «Русские, не слушайте бандеровцев, это самые ненавистные враги нашей Родины», призывает в романе представитель СССР. Прошло почти 80 лет, риторика та же... В чем корень зла, на Ваш взгляд?

Прагматический ответ очевиден: в имперскости. Традиция тут ясно какая — даже провозгласив ценности национального самоопределения и политику коренизации, советская власть всё равно поддерживала колониальное по сути отношение к Украинской республике. Если же отвечать с большей интеллектуальной дистанции — корень зла в нетерпимости, в неотрефлексированной боязни Другого. Почитайте провоенных публицистов, и вы ощутите этот страх буквально физически. Вся эта публика описывает Украину как нечто чужеродное, несущее «густой культ смерти», ведьминское (Панночка у некоторых ещё не померла) — короче, соседи сначала демонизируются, потом назначаются чужими, которые вероломно прикидывались своими, и таким образом приготавливаются к тому, чтобы быть легитимно принесёнными в жертву. Это что-то древнее.

Сергей Соловьёв, решивший после окончания Второй мировой войны вернуться в СССР, стал одним из многих, кто был обманут правительством. «Я ошибся», признает ваш герой. Думаете ли Вы, что к такому осознанию придут россияне, поддерживающие сегодня войну?

Таким россиянам, в отличие от Соловьёва, неоткуда возвращаться — они никуда и не уезжали. Ни физически, не метафорически. А вообще, как всегда это бывает, часть осознает, что натворили, а часть будет держаться за то, что «Путин всё правильно делал, просто допустил военные ошибки». И кстати, эта точка зрения распространена по всему миру — и потребуются грандиозные усилия, в том числе от литераторов, чтобы разъяснить, что здесь не так.

В книге есть такой пассаж: «Абверовцы знали, что красноармейцам только в первые недели хватит обеда и ужина, чтобы смириться с мыслью, что они воюют против своих, - а дальше их должна возбуждать сильнейшая идея». В чем, на Ваш взгляд, заключается «русская идея» сегодня?

Сейчас обсуждать «русскую идею» в каком бы то ни было виде - чудовищно неуместно.

«Закон военного времени - это время тянется», пишете Вы. Каждый мыслящий человек, равнодушный к судьбам Украины и России, ждет окончания войны. Есть ли у Вас прогноз?

Как и у всякого трезвомыслящего человека, нет.

На последних страницах романа Вы, не называя его имени, упоминаете М. С. Горбачева - «последнего из вождей», решившего «прикончить систему» и открывшего архивы. Думаете ли Вы, что эта историческая личность еще будет переоценена?

Да, конечно! Хотя всегда останутся те, кто продолжит считать его легкомысленным болваном или агентом Запада — эти предубеждения невозможно извести полностью.

«Новая Россия невозможна без всеобщего прощения», пишете Вы. Возможно ли такое прощение и кто кого и за что должен простить?

«В обветшавшем тоннеле мы цементировали полы для станков, которые вот-вот должны были приехать на Оден-ле-Тиш. Грунтовые воды подтопили штольню, которая снаружи выглядела как отверстие в холме, и их пришлось откачивать, стоя по колено в ледяной воде. У многих опухли ноги и открылись язвы. Сапог не выдавали, и люди ломались один за другим. Когда вода исчезла, в бригаду стали подмешивать бифо, а следить за выравниванием полов явились нанятые комендантом французы. Они сообразили, что бригаду надо спасать, и со второго же дня работы носили каждому по бутерброду с сыром и иногда колбасой. Их жены паковали обед так, чтобы его можно было незаметно рассовать по внутренним карманам, которые они пришили к тужуркам мужей. Один из них, передавая мне еду в вощеной бумаге, коснулся моей руки и пожал ее. Я вздрогнул, как ударенный молнией, и едва на разрыдался.» В «Восстании» имеются в виду преступления советского периода — это цитата из программы подпольной демократической партии, которую писал Соловьёв в Норильске. Если же говорить о ситуации 2023 года, то накоплен уже, к сожалению, громадный опыт согласия и примирения в разделённых (со)обществах. Бывшая Югославия, Аргентина, ЮАР — можно перечислять долго, но смысл в том, что да, прощение возможно, но оно должно быть обставлено некоей системой действий, состоящей из общественной дискуссии, а затем и символического договора, политики памяти, юридического возмездия виновникам и закрепления всего вышеописанного в виде законов.

«Непримиримость, готовность твердо идти до конца, каким бы ужасным он ни был, следование здравому смыслу и трезвой интуиции - вот чем я должен наделить товарищей». Эти золотые слова Сергея Соловьева хочется высечь на каждом камне, украсить ими каждый дом. Как сохранить здравый смысл на фоне захлестывающего безумия?

Всегда, в любой ситуации ставить ценности во главу угла и не бояться действовать, нарушая рутину, исходя из этих ценностей. Тренировать терпеливое сочувствование — например, в спорах с носителями всех точек зрения, кроме преступных. Продолжается время чудовищной поляризации и недоверия к социальному знанию (хотя и насчёт законов Ньютона тоже наверняка есть конспирологическая теория) — и вот в такое время точка зрения, не подкреплённая личным примером, личным отношением, личной последовательностью в действиях, обречена на провал. Впрочем, переубеждать людей, скажем так, не следующих здравому смыслу, всё равно удаётся редко. Поэтому в будущем важно не только выяснять, кто прав, но и соблюдать правила бережного сосуществования — и в этом отличие нашего века от предыдущей эпохи, где правота, в том числе моральная, использовалась как предлог для войн и насилия.

[Россия](#)

Source URL:

<https://nashgazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/nikolay-kononov-vsegda-stavit-cennosti-vo-glavu-ugla>